

правом (лат.). — Примеч. пер.]. Для крестьянского ума это было так же чуждо, как для помещика мужицкая аксиома о том, что, поскольку народ стал хозяином государства, он же стал полным и единственным собственником *всей земли*. Согласно представлениям мужика, земля принадлежала Богу или царю; после свержения самодержавия народ стал сам себе царем, а потому немедленно получил право распоряжаться всей землей.

Рождение новой, революционной России привело к возникновению антагонизма. Вопрос требовалось решить, причем срочно. Продолжать держать его под сукном было уже невозможно.

Глава 9

ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ АРМИИ

Кризис в промышленности и сельском хозяйстве сопровождался еще одним страшным кризисом — кризисом в армии.

«Революция и ее так называемая интенсификация дали волю страстям и нездоровым инстинктам; в результате произошел развал армии, последствия которого стали для государства трагическими; армия отказалась воевать, поддалась преступной агитации, бросила фронт, открыла его врагу, и тот не замедлил вторгнуться в страну».

Эта версия, сформулированная Родзянко, распространена в некоторых местах так широко, что ее принимают за абсолютную и непререкаемую истину. Но когда эту «истину» проверяют с фактами в руках, ее постигает та же судьба, что и знаменитую немецкую *Dolchstosslegende* [легенда удара кинжалом (нем.). — Примеч. пер.] Людендорфа: Германия якобы была близка к победе, но немецкие социалисты и пацифисты начали революционную пропаганду в тылу, «вонзив нож в спину» победоносной армии и разрушив Германию.

После ознакомления с фактами от обеих легенд не остается камня на камне.

Российское издание этой легенды не выдерживает критики с самого начала. Согласно официальной версии, сформу-

лированной генералом Лукомским, в начале войны «ощущалось, что весь народ стал единым целым и в порыве энтузиазма готов броситься на врага». Однако Лукомский вынужден неохотно добавить: «В некоторых районах Сибири и Поволжья мобилизация проходила с трудом; были волнения (а в сибирском Барнауле даже значительные)»¹. Ясно, что этот «порыв энтузиазма» имел совершенно другую природу. Что же он собой представлял?

На этот вопрос ответил Максимов в своих «Военных годах». Он был призван в армию из смоленской деревни, но в начале войны работал закупщиком и успел побывать в Архангельской, Вологодской и Волынской губерниях. В городах представители среднего образованного класса проявляли искусственный и преувеличенный «шовинистический энтузиазм», в то время как «простые люди повсюду воспринимали войну лишь как факт, причем не без ропота». Максимов повсюду слышал те же самые недовольные, наивные, «примитивно толстовские» речи:

«На кой дьявол нам сдалась эта война? Зачем нам лезть в дела другого народа? Мы тут поговорили промеж собой... Если германцу нужны деньги, так было бы лучше скинуться по червонцу с носа: в России носов много миллионов. Все лучше, чем убивать людей... Какая разница, под каким царем жить? Под германским будет не хуже... Пусть идут и воюют сами. Ужо погодите, мы с вами посчитаемся... А не пустить ли нам помещикам «красного петуха», как в девятьсот пятом?»

Максимов свидетельствует, что «ненависть к войне усиливалась с каждым годом... Набор рекрутов проходил в суровой и мрачной атмосфере». Временами крестьянки открыто проявляли свои антивоенные чувства: тех, кто уводил их мужей, братьев и сыновей, они преследовали с дикими криками: «Будьте вы все прокляты!»²

Конечно, автора можно заподозрить в принципиальном антимилицаризме. Если так, то давайте сопоставим его свидетельства с воспоминаниями Станкевича, который во время войны полностью отвергал пацифизм и «принимал войну не только телом, но и душой». Он с горечью признается: «Однако почти все относились к войне как к чему-то чуждому и

ненужному; массы российского общества никогда не считали эту войну своей»³.

Но наиболее убедительным является свидетельство Наживина, которого революция забросила в лагерь монархистов. Он пишет в своих «Записках о революции»:

«В деревнях было тихо, и мы следили за новым, чрезвычайно любопытным и поучительным процессом — возрождением деревни. Объявляли новую мобилизацию: весь уезд оглашался плачем женщин и детей; резервисты с тощими мешками и котомками уезжали в губернский город, и все стихало. *На взрыв патриотизма не было и намека*: войну принимали лишь потому, что так было приказано. Но дураков не было: каждый избежал бы ее, если бы мог...

За одной мобилизацией следовала другая, еще более абсурдная и бессмысленная, чем прежняя... А потом грянула памятная нам мобилизация в начале сентября. Забирали резервистов первого и второго срока, седобородых мужиков за сорок. В деревнях начался вой. Возбуждение злоеще нарастало. Отовсюду неслись новые, неслыханные ранее слова: «Да что же это делается? Они что, хотят сжить нас со света, чтобы для них больше места осталось?» Даже в церкви молитву за «православного самодержавного царя» прерывали горестные крики призываемых. И все это происходило в реакционной, старозаветной Владимирской губернии. Было ясно: *деревня созрела*».

Конечно, и в других странах, особенно в деревне, на первых порах было то же самое: сначала войну воспринимали как *несчастье*, а затем как бесконечное бремя и бессмысленную катастрофу. Но во Франции, Англии или Германии военно-патриотическая пропаганда неотесанных сельских новобранцев была поставлена образцово. Кроме того, мирные крестьяне, не интересовавшиеся политикой, не составляли там подавляющего большинства, как в русской армии. В царской России пропаганда никого не заботила: листовки и брошюры у неграмотных солдат пошли бы на самокрутки; им было вполне достаточно команд: «Направо, в атаку, бегом марш!» Одним словом, «в России с первой военной операции ничто не способствовало созданию психологии великой войны»⁴.

Со временем армия все больше и больше превращалась в море «не солдат, а просто мужиков в серых армейских шинелях». Эти мужики проявляли такую нутрянную, добродушную, наивную любовь к миру и мыслили настолько примитивно, что интеллигенция, которая «приняла войну», с ужасом говорила, что русский народ — самый политически отсталый в мире. «Похоже, здесь патриотизм является монополией культурных классов общества», — в отчаянии сказал один французский дипломат. Временами казалось, что все складывается, как в знаменитой сказке Льва Толстого о царстве дураков, где вторгшегося врага встречали хлебом-солью: «Наверно, друзья, земли у вас мало и есть нечего, поэтому вы пришли к нам с оружием? Раз так, мы с вами поделимся; чем богаты, тем и рады. Зачем брать грех на душу и убивать друг дружку?»

Ни одна армия, даже самая лучшая, не гарантирована от развала, иногда удивительно быстрого.

Современная война подвергает «человеческий материал» тяжелейшим испытаниям. Есть предел, который нельзя переступать безнаказанно. Вопрос в том, кто доходит до этого предела и как быстро.

Возможно, генерал Деникин острее всех переживал развал русской армии и обвинял в нем всех вокруг. Но даже он вспоминает, как «осенью 1918 г. немецкие войска, оккупировавшие Дон и Малороссию, развалились в течение одной недели... Они смещали своих офицеров, а некоторые части продавали армейскую собственность, лошадей и оружие». Он указывает, что «брожение происходило и в армиях победителей: во французских частях, оккупировавших Румынию и Одессу в начале 1919 г., во французском флоте в Черном море, в английских частях, посланных в Константинополь и Закавказье, и даже в самом могучем английском флоте... Части переставали повиноваться; положение спасала только быстрая демобилизация и набор новых солдат, чаще всего добровольцев». В шестом томе воспоминаний Пуанкаре приводится множество таких фактов — например, обстрел автомобиля генерала Дюбе его же собственными солдатами.

Русскую армию развал охватил раньше, чем другие армии, и никакая «быстрая демобилизация» не могла ей помочь.

В этом вся суть: «эксперименты над армией», которые якобы проводила революция и особенно Временное правительство, забыв об азах военной науки, тут совершенно ни при чем.

Люди, пишущие о войне (и в том числе старые офицеры с дореволюционным стажем вроде генерала Деникина) пытаются доказать, что армию разложила революция. При этом они вынуждены закрывать глаза на вопиющие факты, свидетельствующие, что армия разложилась еще до революции. «Перед революцией были один-два случая, когда отдельные части отказывались повиноваться; эти выступления были сурово подавлены». Вот единственная дань, которую генерал Деникин отдает неприятной правде.

В переписке военного министра Сухомлинова с первым начальником штаба ставки генералом Янушкевичем картина выглядит куда более серьезной. В ноябре 1914 г., когда война шла уже третий месяц, Янушкевич с тревогой докладывает, что на Северо-западном фронте «Русский и его помощники внезапно потеряли веру в свои части», что «нездоровые настроения растут» и с ними «ничего нельзя сделать». В декабре его тревога становится еще сильнее:

«Стоит офицерам погибнуть, как начинается массовая сдача в плен, иногда по инициативе унтер-офицеров. «Почему мы должны умирать от голода и холода, без сапог? Наша артиллерия молчит, в то время как немцы расстреливают нас как куропаток. У немцев лучше. Айда к ним!» Казаков, которые провели атаку и отбили пятьсот пленных, дружно проклинали: «Какого черта вы это сделали? Кто вас просил? Мы больше не хотим подыхать с голоду и мерзнуть». Конечно, это крайние случаи, но они очень важны. Вот почему я так переживаю».

Именно тогда началась трагедия русской армии. Внезапно у артиллерии кончились снаряды. В тылу солдаты упражнялись с палками вместо винтовок. Даже на передовой батальоны должны были дожидаться, когда на поле боя можно будет собрать оружие мертвых. «У меня волосы встают дыбом, — писал Янушкевич, — при мысли о том, что нам придется подчиниться Вильгельму из-за недостатка патронов и винтовок».

Кроме того, мы располагаем военным дневником генерала Куропаткина. Еще в декабре 1914 г. он замечает: «Все они мечтают о мире и воюют не слишком хорошо... Были ужасные случаи: некоторые батальоны, вместо того чтобы контратаковать, шли к немецким окопам и поднимали оружие в знак сдачи. Они устали от тягот войны». В следующем году он пишет: «С передовой приходят самые неприятные вести. Винить нижние чины не приходится, но обращает на себя внимание легкость, с которой они сдаются в плен... Недостаток патронов и боеприпасов и явное превосходство врага заставляют трусов сдаваться в плен, иногда целыми частями».

Командир специального жандармского корпуса генерал Джунковский 13 февраля 1915 г. докладывал ставке, что два эскадрона немецкой кавалерии вызвали «неописуемую панику» в рядах 56-й пехотной дивизии во время ее отступления к Вержболову: «Первыми обратились в бегство офицеры, солдаты устремились за ними; некоторые скрылись в окрестных полях, другие без сопротивления сдались в плен; горстка спешившихся немцев (сорок человек, в основном мальчишки) отвела их в зал ожидания третьего класса и заперла там до утра».

Значит ли это, что «человеческий материал» русской армии был низкого качества? Ничего подобного. Мнения пруссаков о русских солдатах, собранные в начале войны генералом Головиным, не оставляют на этот счет никаких сомнений⁵. Русские — «от природы хорошие солдаты», «смелые, упрямые, привыкшие к местности»; у них отличные стрелки и артиллеристы; если таких солдат хорошо снабжать, их упорное сопротивление способно вымотать даже лучшие германские корпуса вроде знаменитого 17-го Макензена; солдаты последнего, «ранее всегда демонстрировавшие необычайную храбрость», теперь «теряют воинский дух всего через несколько часов боя». То же самое говорили командиры 71-й бригады, 5-го гренадерского полка, 128-го полка и другие. «Перед ними открылся настоящий ад», «впереди бушевал ураган огня», «поднялась невидимая огненная стена», «вскоре полк доложил, что он измотан». Впечатления от боя были «ошеломляющие», чудеса храбрости казались бесполезными, «самые дисциплинированные полки из Восточной Пруссии охватила паника». Даже ког-

да в первый период войны немцы одерживали победы, винить в этом русских солдат не приходилось. «Поле боя, усеянное трупами русских, показывает, как велики были их потери и как храбро они сражались»⁶. Чтобы довести таких солдат до полной деморализации, понадобилась целая череда поражений, вызвавшая ощущение безнадежности.

Что было причиной поражений? Стратегия. Русское высшее командование сразу же допустило роковую и непоправимую ошибку. Оно начало наступление, «к которому была готова только одна треть армии», как человек, который «вместо удара кулаком тычет соперника каждым пальцем по очереди». Эти стратегически невежественные, авантюрные действия принесли в жертву цвет довоенной армии, который должен был составить костяк двух других третей; резервисты, предоставленные самим себе, потеряли значительную часть своей потенциальной ценности. «Философия стратегии, основанная на простой формуле «марш вперед», устаревшие данные о противнике, согласно которым наши силы составляли по отношению к немецким 76:70, а фактически это соотношение составляло 15:24», и еще целая серия подобных «стратегических преступлений» заставили «кампанию 1914 года войти в историю по числу стратегических ошибок военного плана»⁷.

О кампании 1915 г. и говорить нечего. Во время буквального избиения русской армии, у которой кончились боеприпасы, Морис Палеолог кощунственно говорил об «очень ценном сотрудничестве» русских с союзниками, так как русская армия ценой величайшего самопожертвования отвлекла на себя пятьдесят два вражеских корпуса. Для чего? Чтобы «на Западном фронте» все было «без перемен», чтобы там без конца переходил из рук в руки какой-то домик паромщика, ставший знаменитым на весь мир.

«Борьба, — пишет Палеолог, — ведется с энергией, достойной высочайшей похвалы. Каждая битва превращается для русских в чудовищное избиение... Русские люди безропотно терпят такие ужасные жертвы».

Но всякому терпению приходит конец. Затем вспыхивает слепой и бессмысленный гнев.

1916 г. ознаменован новым русским наступлением из последних сил, продиктованным желанием сделать Восточный фронт не наковальней, а молотом. Снабжение армии улучшилось за счет усилий всей страны. Но результат оказался тем же. Чему же тут удивляться, если сам Родзянко был вынужден признать: «Как ни странно, в 1916 г. брожение в армии началось после победоносных битв, ибо возникло убеждение, что все сверхчеловеческие усилия и жертвы бойцов оказывались бесполезными из-за глупых и неудачных приказов».

О состоянии армии можно безошибочно судить по числу дезертиров.

Военный министр генерал Сухомлинов постоянно обращал внимание ставки на угрожающий рост дезертирства. «Продолжают прибывать сведения о целых шайках рядовых, бродящих в тылу армии. Генерал-майор Болотов лично наблюдал случаи мародерства; из частей бежало такое количество народу, что в непосредственном тылу армии можно сформировать столько же частей».

Во время последних месяцев царского режима на узловых железнодорожных станциях пришлось создать специальные части военной полиции. За каждого пойманного дезертира причиталась награда: за рядового — 7 копеек, за унтер-офицера — 9 копеек, за подпрапорщика — 11 копеек, прапорщика — 14 копеек и за подпоручика — 25 копеек. До смешного низкие расценки объяснялись обилием жертв. Было подсчитано, что к началу 1917 г. количество дезертиров в России составляло полтора миллиона человек.

Посетив фронт в начале 1915 г., Гучков вернулся с обескураживающей новостью, что солдаты голодают, что в артиллерии полный кризис, а «нехватка пехоты, особенно офицеров, колоссальна». К концу 1915 г. он сделал краткий обзор первого этапа войны. Россия начала войну с пятью миллионами солдат и уже потеряла четыре миллиона; из 6000 полевых орудий потеряно 2000, к которым следует прибавить 2000 крепостных пушек. На поле боя офицеры проявляли чудеса героизма, но «наверху дела обстояли плохо». Рядовые «начали войну с энтузиазмом, но теперь устали и потеряли веру в победу из-за бесконечных отступлений».

На заседании кабинета министров 16 июля 1915 г. военный министр генерал Поливанов впервые произнес зловещие слова: «Думаю, мой гражданский и профессиональный долг — заявить Совету министров, что отечество в опасности... Наше отступление продолжается с нарастающей скоростью, во многих случаях это почти паническое бегство... Благодаря огромному превосходству в пушках и снарядах немцы заставляют нас отступать одним огнем артиллерии. Из-за этого... враг почти не несет потерь, в то время как наши люди гибнут тысячами... Солдаты явно угнетены бесконечными поражениями и отступлениями. *Вера в конечную победу и в наших вождей подорвана*: видны все более и более заметные признаки деморализации. Случаи дезертирства и добровольной сдачи в плен становятся более частыми. Да и трудно было бы ждать энтузиазма и самопожертвования от людей, брошенных на передовую без оружия и вынужденных подбирать винтовки своих мертвых товарищей... В ставке главнокомандующего царит растерянность. В ее действиях и приказах нет ни системы, ни плана. Ни одного дерзкого и продуманного маневра, ни одной попытки воспользоваться ошибками зазнавшегося врага. «Назад», «назад», «назад» — вот и все, что мы оттуда слышим... Любая инициатива запрещается. Ни один старший командир не знает, куда и почему он движется... Любимые приказы ставки — это «молчать» и «не рассуждать».

На следующем заседании, 24 июля, военный министр дополнил картину: «В некоторых местах новобранцы и солдаты местных гарнизонов устраивают беспорядки... Генералы начинают думать о внутренней политике, пытаясь отвлечь внимание от себя и переложить ответственность на плечи других». Совет министров с горькой иронией говорил о том, что «в военных действиях настал период отступления и бегства». 4 августа министр внутренних дел заявил: «Должен сказать, что мобилизация с каждым разом проходит все хуже. Полиция не в состоянии справиться с массами скрывающихся от набора. Люди прячутся в лесах и несжатой пшенице». Министр объяснял это явление деятельностью ненавистной ему Государственной думы: «Если люди узнают, что призыв резервистов второй категории производится без санкции Думы, я

боюсь, что в нашем нынешнем состоянии *мы не наберем ни одного человека*». 16 августа в связи с запланированной ставкой насильственной эвакуацией населения из прифронтовой полосы шириной в сто верст военный министр докладывал: «Армейские штабы потеряли способность понимать и оценивать свои действия. Их охватило настоящее безумие». На вопрос о том, что может спасти страну, военный министр ответил поистине классической фразой: «Я уповаю на наши необозримые просторы, непролазную грязь и милость нашего небесного заступника, святого Николая Мирликийского, защитника святой Руси». Более красноречивое признание собственного банкротства трудно придумать.

Какой бы крик подняли все военные и полувойсковые патриоты старой школы, если бы это случилось *после* Февральской революции! Но при царизме неприглядная правда не выходила за стены министерских кабинетов. Монархическая и либерально-националистическая пресса до сих пор продолжают наперебой восхвалять бесконечные достоинства царской армии и хулить революционную армию. Однако факты показывают, что революция унаследовала от царизма армию без кадровых солдат и офицеров, расхлябанную, деморализованную, давно лишившуюся надежды на победу, не верящую своим командирам и даже самим себе.

В чем заключались причины столь жалкого состояния армии?

Первая из причин — полное банкротство *военных теоретиков* царской армии.

Возможно, самую роковую роль в судьбе русской армии и исходе войны сыграл генерал Сухомлинов, человек поразительной безалаберности и умственной лени. На совещании профессоров военной академии он имел глупость сказать: «Я не могу спокойно слышать слова «современная война». Какой война была, такой она и осталась. Все эти новшества вредны. Возьмите меня: за двадцать пять лет я не прочитал ни одной военной книги». Окружали его люди того же типа. Слова «огневая тактика» они считали ересью и затыкали уши, не желая слышать пророчеств военной науки о том, что следующая война станет главным образом «войной пушек и пулеметов».

В XX в. они продолжали повторять суворовский афоризм XVIII в. «пуля дура, штык молодец»⁸.

Лучший военный аналитик русской эмиграции генерал Головин после тщательного анализа пришел к выводу, что русский генеральный штаб не имел собственной военной доктрины, а просто копировал германскую или французскую. Без учета особенностей собственной армии и окружающей среды такие попытки неизбежно вырождались в безжизненную схоластику. Действия русской армии в Восточной Пруссии продемонстрировали «неготовность нашего генерального штаба к широко-масштабным войсковым операциям. Эти фантасты от стратегии сделали все, чтобы обречь наши части на поражение»⁹.

Роковыми последствиями стратегической безграмотности стали бесчисленные ошибки, допущенные при подготовке к войне. Россия начала войну с 850 зарядами на пушку, в то время как в Германии был принят стандарт в 3000 зарядов. Несмотря на все предупреждения, русские крепости до самого конца строились по старой системе и с помощью современной артиллерии «быстро превращались в груду развалин». Как говорил главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, наши армии были вынуждены «отбивать атаки практически с голыми руками». Генеральный штаб не сумел предсказать ни продолжительность войны, ни ее масштабы. «Лишь очень немногие из высшего командования признавали, что война может продлиться дольше года»; большинство думало, что она закончится «за шесть—девять месяцев»¹⁰. Красноречивый опыт осад и сражений Русско-японской войны игнорировался; это была колониальная война, формы и методы которой не годились для серьезных битв. «Возможность позиционной войны на Западном фронте полностью отрицалась», ожидалось, что это будет «чисто полевая война с отдельными секторами позиций». Протяженный укрепленный фронт от Балтийского до Черного моря «считался не только невозможным, но и невообразимым».

Второй причиной краха русской армии стало пугающее состояние вооружений и военной техники.

Мировая война полностью обновила военную технику. Первенство принадлежало отравляющим газам и танкам. К этому

следует добавить стремительное развитие военной авиации и широкое использование тяжелой артиллерии не только для осады и защиты крепостей, но и для уничтожения окопов и сооружений из колючей проволоки с целью подготовки к атаке. Кроме того, были разработаны сложные системы взаимосвязанных траншей, позволявшие концентрировать силы перед атакой, и развитые полевые укрепления.

Обо всех этих новшествах русская армия и не подозревала. Она не имела угольных противогазов. Производство средств защиты от отравляющих газов пришлось начинать с нуля. В конце концов известный военный химик генерал Ипатьев блестяще справился с задачей, но неизбежная отсталость России в данном направлении дорого обошлась фронту. Танки «на наших заводах производить было нельзя; в общей сложности выпустили двенадцать жалких подобий, негодных для боя»¹¹. В среднем у немцев было 12 тяжелых орудий на корпус, а у русских — одно на три-четыре корпуса. Кроме того, немцы имели огромное преимущество в других типах артиллерии: 112 легких орудий и 26 гаубиц на корпус против 96 и 12 у русских. В общей сложности русские имели 3,5 пушки на батальон, а немцы — 7. Но эти цифры дают очень неполное представление о техническом превосходстве врага. Еще 15 декабря 1914 г. ставка предупредила фронт о необходимости экономить снаряды, потому что уже в первых сражениях был израсходован боезапас, рассчитанный на всю войну¹². Нужно понимать, что это означало на практике. Вот как генерал Деникин описывает битву под Перемышлем в середине мая 1915 г.:

«За одиннадцать дней страшного обстрела из тяжелых орудий наши окопы с их защитниками были буквально стерты с лица земли. Мы практически не отвечали на этот огонь: *ничем было*. Обескровленные полки отбивали одну атаку за другой штыками или винтовками. Кровь лилась рекой, цепи становились все реже, горы трупов росли... Два полка были практически уничтожены... одним артиллерийским огнем. Господа французы и англичане! Вас, достигших беспрецедентного уровня развития техники, сильно удивит абсурдный факт из русской реальности: когда после трех дней молчания наша единственная шестидюймовая батарея получила пятьдесят снарядов, эту

новость немедленно сообщили по телефону всем полкам, всем ротам, и все наши солдаты испустили тяжелый вздох радости и облегчения»¹³.

Генерал Головин сообщает, что в бою под Турау Ревельский полк потерял больше 75% состава. Генерал Верховский видел, как люди сходили с ума прямо на поле боя, «потрясенные колоссальным превосходством врага и ощутившие свою полную беззащитность». Его дневник пестрит такими записями: «Мы едва видим вражескую пехоту; ей нечего делать, потому что яростный ливень артиллерии решает все немецкие проблемы быстро и просто. Скрипя зубами и молча страдая в глубине души, наша армия отступает и копит злобу на тех, кто заставил нас испытать такое унижение и беспомощность»¹⁴. Русские аэропланы не годились даже для обычной разведки, в то время как немцы регулярно использовали авиацию для корректирования своего смертоносного огня. К этому следует добавить «плохие средства связи, почти полное отсутствие полевых раций, отвратительное снабжение телеграфным оборудованием». Генерал Лечицкий суммировал свои впечатления следующим образом: «Мы дикие, глупые люди. Мы только что вышли из леса. Когда мы научимся воевать?»

Третьей причиной поражений русской армии был низкий уровень командования. Спорить с этим невозможно.

Ни одно революционное издание не могло бы так красноречиво описать состояние армии, как выдержки из переписки военного министра Сухомлинова с начальником штаба ставки Янушкевичем. В ней то и дело попадаются имена генерала Лукомского, который «топчет грязными ногами» самую важную отрасль — военное снабжение, генерала Каульбарса, который «неизменно портит все, к чему прикасается», принца Ольденбургского, прозванного «бестолковым пашой». Других представителей высшего командования то и дело называют «безответственными людьми», «склеротиками», творящими «самые страшные глупости». Третьих «повесить мало», но они продолжают занимать ответственные посты. О четвертых Янушкевич философски замечает: «Людам с такими мозгами нельзя поручать ответственную работу; это может стать

катастрофой для всей страны». На тайном совещании кабинета министров Сазонов говорил о самом генерале Янушкевиче: «Его присутствие в ставке более опасно, чем германские армии». Янушкевич и Сухомлинов понимали, что во многих случаях «с виновных нужно было бы снимать голову» (конечно, исключая их самих). «Порядок следует наводить сверху», — тревожно говорили они друг другу, словно предчувствуя, что настанет день, когда солдаты начнут наводить порядок снизу, наказывая всех подряд — и правых, и виноватых.

Они с ужасом ждали «катастрофы в стране» еще весной 1915 г. Удивительно не то, что она наступила, а то, что это случилось лишь через два года.

В апреле и декабре 1916 г. в ставке прошли два совещания, на которых общую ситуацию описывали командующие фронтами. Они докладывали о «полной дезорганизации в Петрограде», о всеобщем мнении, что «у нас было все, но мы не сумели им распорядиться» (генерал Рузский); о «разваленном транспорте и плохом снабжении, которое снижает боевой дух» (генерал Эверт); о «дезорганизации на транспорте» (генерал Гурко); о «неспособности страны кормить колоссальную армию в двенадцать миллионов» (генерал Шуваев); о растущем числе мятежей в частях, как спонтанных, так и вызванных экономическими причинами (Эверт); об усталости от войны и пропаганде (генерал Рузский, генерал Брусилов). На вопрос о том, какие меры следует принять, чтобы улучшить положение, генерал Шуваев пессимистически ответил, что дело не в «принятии мер» по наведению порядка, а в необходимости «считаться с реальностью».

Но для этого у высшего генералитета не хватало смелости. Даже сын Родзянко, которого отец считал «спокойным и уравновешенным офицером» (не говоря о преданности монархии), впал в отчаяние и, несмотря на улучшение снабжения армии, писал отцу с фронта:

«Ты должен сообщить императору, что убивать людей бессмысленно... Все в армии чувствуют, что без видимых причин дела изменились к худшему; люди великолепны, у нас есть пушки и снаряды, но у генералов нет мозгов. Очень плохо,

что мы не имеем аэропланов. Никто не доверяет ставке и тем, кто ею командует. Мы готовы умереть за отечество, но не за генеральский каприз. Во время боя они сидят в безопасных местах, редко появляются на передовой, а мы умираем. И рядовые, и офицеры думают, что, если система не изменится, мы не сможем победить. Это нужно понять»¹⁵.

Наконец, будущий герой первого контрреволюционного (корниловского) мятежа генерал Крымов во время специальной поездки в Петроград с большой группой офицеров сообщал:

«Больше так продолжаться не может. Из-за полного отсутствия преемственности приказов и тщательно разработанного плана, из-за безответственных назначений на высшие командные посты наши блестящие успехи были сведены к нулю; среди солдат растет недоверие к офицерам в целом и к своим непосредственным командирам в частности; *армия постепенно разлагается*, и дисциплина трещит по всем швам. В таких условиях вполне может случиться, что солдаты откажутся наступать и, что ужаснее всего, под влиянием преступной агитации, которую никто не может остановить, этой зимой армия просто бросит окопы и поля сражений. Таково злое и постоянно усиливающееся чувство, которое испытывают в частях».

Других чувств там просто не могло быть. «Только кровью этого пушечного мяса, — пишет генерал Верховский, — мы вынесли три года войны. Откуда возьмется чувство уверенности?.. Нам могли бы помочь только героические усилия по смене командного состава». 8 декабря 1916 г., за три месяца до революции, он пишет: «В некоторых частях слышится негромкий, но тревожный шепот: «Мы будем защищаться, но в атаку не пойдем»¹⁶.

Чтобы завершить картину, назовем еще одну причину развала царской армии: дисциплинарные меры, которые офицеры применяли к солдатам, были немыслимы для армии цивилизованной страны; такие методы используют только худшие из азиатских деспотов, унижая человека и лишая его самоуважения. «Жестокости и оскорбления были частым явлением, иногда глупым и ненужным», — скрепя сердце признает Деникин. Это слишком мягко сказано. В 1915 г. на

фронте официально ввели телесные наказания. За «самострель» полагалась *смертная казнь*. Деникин пытается оправдать жестокие дисциплинарные меры несознательностью рядовых, а смертную казнь — неэффективностью других методов борьбы с дезертирством: страх погибнуть в бою должен быть меньше страха перед расстрельной командой. Ясно было одно: если солдатские массы потеряли веру в своих командиров, то возвращать эту веру с помощью телесных наказаний и расстрелов — только подливать масла в огонь. Это питает пламя мести, горечи, взаимной ненависти и ведет к беспощадному уничтожению офицеров солдатами. Абсурдно говорить о «зловредной пропаганде элементов, чуждых армии», если лучше всего солдат агитирует поведение их командиров. Кто сеет ветер, пожинает бурю.

Глава 10

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Мы оставили Временное правительство в тот момент, когда его председатель князь Львов объявил состав своего кабинета, а способный царский министр Кривошеин с мрачным недоумением объявил его слишком правым, а потому опасным не только для чуждой ему революции, но и для любимого отечества.

В самом деле, этот кабинет был явным анахронизмом. Еще 13 августа 1915 г. в газете лидера прогрессивных промышленников Рябушинского был опубликован состав предполагаемого «правительства обороны» со знакомыми фигурами будущего Временного правительства: Милюковым, Гучковым, Шингаревым, Некрасовым, Коноваловым, В.Н. Львовым, Ефремовым и будущим русским послом в Париже В.М. Маклаковым. В этот кабинет должны были войти царские бюрократы, приемлемые для общественного мнения: Кривошеин как министр земледелия, генерал Поливанов как военный министр и граф Игнатев как министр народного просвещения. Поскольку такое правительство нуждалось в председателе, который бы связывал «лидеров общественности» с официальными властями, вместо

¹ *Лукомский А.С.* Воспоминания. Т. 1. С. 53. Генерал ЮН. Данилов более откровенен: «В начале мобилизации беспорядки среди рекрутов затопили волной многие области России... Чтобы подавить их, пришлось применить суровые меры, включая вооруженную силу... Видимо, патриотические демонстрации и взрывы энтузиазма были лишь дешевым фасадом... Русский народ не был готов к войне. Подавляющее большинство крестьян вообще не понимало, зачем их призывают... Они шли на войну, потому что привыкли выполнять все требования правительства, терпеливо, но пассивно неся свой крест» (Россия в мировой войне. Б. м., 1924. С. 111 — 112).

² *Максимов Н.* Годы войны // *Летопись революции.* Т. 1. С. 246.

³ *Станкевич В.Б.* Воспоминания, 1914—1919 гг. Берлин, 6. г. С. 18.

⁴ *Данилов.* Указ. соч.

⁵ *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. С. 141, 143, 152, 155, 378.

⁶ *Hesse K.* Der Feldherr Psychologos; Der grosse Krieg, 1914— 1918, herausgegeben von M. Schwarte; General Francois, Marneschlacht und Tannenberg.

⁷ *Головин.* Указ. соч. С. 79.

⁸ Там же. С. 33, 36—37.

⁹ Там же. С. 207, 215, 226, 255.

¹⁰ *Лукомский.* Указ. соч. Т. 1. С. 36, 37, 58, 84.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 106.

¹² Данные заимствованы из книги генерала А. Верховского «Россия на Голгофе».

¹³ *Деникин.* Очерки... Т. 1. Ч. 1. С. 30.

¹⁴ *Верховский.* Указ. соч. С. 36. Генерал Данилов в книге «Россия в мировой войне» также отмечает, что несправедливо винить солдат, поскольку «техническое превосходство врага было недоступно воображению наших частей и подавляло их боевой дух».

¹⁵ *Родзянко М.В.* Крушение империи, записки // *Архив русской революции.*

¹⁶ *Верховский.* Указ. соч. С. 60.